

РИМСКОЕ ПРАВО: КОДИФИКАЦИЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОСНОВНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Михаил КОЛОС,

кандидат юридических наук, доцент,
судья Конституционного Суда Украины

Summary

Based on the analysis of the Constitutions of Justinian, the Emperor of the Eastern Roman Empire, «Deo auctore», «Omnem», «Tanta», and the books of his Digests or Pandects codified in 530-533, the nature of fundamental criminal law provisions of Roman law and the practice of their application is explored. Attention is paid to the precedent-setting nature of these provisions and to a high level of academic support in the process of their drafting and codification. The author comes to conclusions concerning close relations of the Digests with natural law, norms of Christian legal teaching as well as their positive impact on development of criminal law ideas in Rus.

Key words: Constitutions of Justinian, Digests of Justinian, Criminal Law of Justinian.

Аннотация

На основании анализа Конституций императора Восточной Римской империи Юстиниана «Deo auctore», «Omnem», «Tanta» и книг его Дигестов, или Пандектов, кодифицированных в 530–533 гг., раскрывается сущность основных уголовно-правовых положений римского права и практики их применения. Обращается внимание на прецедентный характер этих положений и высокий уровень научного обеспечения их формирования и кодификации. Сделаны выводы о тесных связях положений Дигестов с естественным правом, нормами христианского правового учения, а также об их положительном влиянии на развитие уголовно-правовых идей в Руси.

Ключевые слова: Конституции Юстиниана, Дигесты Юстиниана, Уголовное право Юстиниана.

Постановка проблемы. Право является одним из самых древних социальных феноменов, корни которого, с нашей точки зрения, таятся в системе естественных законов живой природы. Человек, являющийся частью этой природы, и сформировавшееся на его основе общество сознательных людей, познав в процессе всё усложняющейся жизнедеятельности потребность в регулировании и охране возникающих межличностных и общественных отношений, постепенно накопили опыт правильного и справедливого разрешения социальных проблем.

В аспекте темы данного исследования основной научный интерес для нас представляет римское уголовное право, возможное появление устных форм которого связывают с 753 г. до н. э., о чём указал в Конституции «Deo Auctore» 15 декабря 530 г. император Юстиниан [1]. Известный немецкий профессор-историк Т. Моммсен, обратив внимание на период первой кодификации римского законодательства, писал: «Съ 292 (462) года началась борьба за издание писанных законов; в этом году трибун Гай Терентиль Арса потребовал, чтобы законы были изложены письменно и чтобы впредь консулы судили по ним, а не по устному преданию, сохранявшемуся в патрицианских семьях». В аспекте этих требований в период 303 (451) – 304 (450) гг. избранные из числа па-

трициев и плебеев децемвиры закончили первую кодификацию и впервые составили письменные римские законы, получившие название «Законы XII таблиц» и содержавшие также уголовно-правовые положения [2, с. 43-44]. Тем самым были созданы условия для более качественного применения и дальнейшего развития римского права. Его последующие кодификации детально исследованы российским учёным И.Б. Новицким [3, с. 27-31].

Римское право, кодифицированное по воле Юстиниана, будучи обогащённым научной правовой мыслью, сыграло особо важную роль в развитии правовых систем многих европейских государств, в том числе Руси. Однако в Украине, являющейся её наследницей, ещё недостаточно изучены вопросы соотношения национального и римского уголовного права, что обуславливает **актуальность темы** нашего исследования.

Состояние исследования. Вопросы римского уголовного права рассматривали в своих трудах известные ученые разных стран, например, А.А. Подопригора и Е.О. Харитонов (Украина), И.А. Покровский и Е.А. Скрипилёв (Россия), Ч. Санфилиппо (Италия) и другие. Однако их уголовно-правовые исследования были лишь аспектом базисного предмета изучения, которым являлось римское гражданское право. Тем не менее, труды этих учёных оцениваются нами как

фундаментальное основание для дальнейшего развития научного поиска в аспекте уголовно-правовой отрасли.

Целью этой статьи является расширение в среде заинтересованных лиц результатов научного изучения уголовно-правовых положений Дигестов, или Пандектов (далее – Дигесты), Юстиниана, произведенного по электронному изданию, опубликованному по такому адресу: <http://www.digestaiust.narod.ru>.

Исследование основного материала. Системный анализ правовых документов дает основания утверждать, что в процессе уложения Дигестов, которое завершилось 16 декабря 533 г., в Восточной Римской империи были заложены правовые традиции, которые по своей сущности соответствовали гуманистическим идеям новой, христианской цивилизации. В определённой мере это подтверждается положениями Конституции «Tanta», в которых указано, что Дигесты утверждаются «именем Господа Бога... Иисуса Христа», и одновременно обращается особое внимание на две книги, содержащие уголовно-правовые положения. Император назвал их «ужасными», так как в них устанавливались «суровые и жестокие наказания» в отношении «дерзких» людей, которые не только совершают правонарушения и преступления, но и пытаются скрываться и жить вне закона [4]. Полагаем, что этот

объективный взгляд на карательную сущность уголовно-правовых положений Дигестов в дальнейшем послужил основанием для проведения политики смягчения наказаний.

Указанная кодификация стала возможной благодаря высокому уровню развития в империи юридического образования и науки, о чем Юстиниан утверждал в Конституции «Отпет» [5]. Члены комиссии по уложению Дигестов использовали не только свои правовые знания, но и данные трудов 38 известнейших ученых-юристов, в том числе Аквилы, Гая, Модестина, Павла, Папиниана, Сцеволы, Ульпиана, Цельса и других, которые значительно преуспели в разрешении правовых проблем, в частности, из уголовно-правовой отрасли. Например, перу Модестина принадлежали 4 книги («О наказаниях»), Павел написал 4 книги, самые известные из которых – «О прелюбодеяниях», «О наказании сельчан», «О наказаниях воинов».

Особенностью Дигестов, которые были написаны на греческом языке, является изложение в форме правовых позиций, выработанных судьями, иными государственными деятелями, учеными в процессе интеллектуальной деятельности, на основании ранее действовавших законов, судебных решений, теологических норм и правовых обычаев, не утративших к моменту кодификации своей социальной ценности.

Особый интерес представляют базовые теоретические положения, в которых указано происхождение терминов, используемых в правовых позициях, описаны их характерные признаки, сформулированы понятия, способствующие одинаковому пониманию и применению тех или иных правовых категорий всеми участниками общественных отношений. К числу таковых мы относим положения, изложенные в книге первой [6], в которой раскрыто происхождение и содержание термина «право», осуществлена классификация права на публичное и частное (естественное и право народов), изложены элементы сущности, то есть внутреннего содержания права (титул (далее – т.) 1); формально определено понятие «закон», установлен порядок принятия решений, если имеются сомнения в правильности закона (т. 3); описана

сущность юридической силы закона (т. 4). В отношении возраста человека и его влияния на принятие им решений в книге четвертой [7] римляне определили, что совершеннолетними являются люди в возрасте 25 лет, которые в связи с этим «достигли крепости мужа» (т. 4).

В Дигестах была также сформулирована система специальных правовых положений уголовно-правового содержания, в том числе указанные далее.

В книге первой [6] формально определено понятие «преступление» (т. 1), заложен принцип временного сохранения жизни беременной женщине, приговоренной к смертной казни, до рождения ребенка (т. 5), предусмотрены права субъектов: префектуры Рима – карать за все преступления, совершенные в городе и в Италии, в пределах 100 миль от города, претора – приговаривать преступников «к высылке и ссылке на остров, указанный императором», рабов – обжаловать противоправные действия своих господ префекту, а префекта – налагать наказания на отпущенников, которые оскорбили или нанесли обиду патрону или членам его семьи, в виде «увещевания, либо казни, либо более суровой карой», а если отпущенник выдвинул против патрона уголовное обвинение или вступил против него в сговор с врагами, то – «к рудникам» (т. 12). Сообщается об отношении к психически больным, совершившим убийство, и освобождении их от ответственности, о симуляции психической болезни преступниками и о наказании симулянтов (т. 18). Кроме того, ссылаясь в книге сорок восьмой [8] на 6-ю книгу «Правил» Модестина, авторы Дигестов утверждали: «Если малолетний (младше 7 лет) или безумный убьет человека, то не отвечает по Закону Корнелия, так как одного защищает невинность, другого извиняет роковое несчастье» (т. 8). В этой же книге, на основании 2-й книги Павла «Об обязанностях проконсула», был зафиксирован очень важный уголовно-правовой принцип: «Чтобы никто за одно и то же преступление не обвинялся по нескольким законам». Определенный теоретический интерес представляет также понятие римлян о содержании термина «правонарушение», изложенное в книге сорок седьмой [9], которым они обозначали все действия, совершенные «не по праву» (т. 10).

В книге третьей [10] указано, какие лица пользуются «дурной славой», и обращается внимание, что к ним, кроме иных, отнесены осужденные уголовным судом за клевету или лживое обвинение по сговору с обвиняемым, за воровство, грабеж, причинение обиды, за «злой умысел» и обман или соглашение с совершившим такие действия, чтобы освободить его от ответственности, а также солдаты, осужденные за прелюбодеяние, и те, кто занимается сводничеством для получения доходов (от проституции) (т. 2).

В книге четвертой [7] указывается, что римские преторы не признавали действительными деяния, совершаемые под влиянием страха. Они определили, что сила – это натиск более значительных обстоятельств, которые не могут быть отражены, а также отличали «грубую силу», которая осуществляется против добрых нравов, от силы, применяемой на основании права и на его исполнение. Кроме того, разделяя понятия «страх» и «трусость», Ульпиан утверждал: «Если трус напрасно испугается чего-либо, что в действительности отсутствует, то в таком случае он поступает не под давлением силы и не вследствие страха». Более того, он указывал, что необходимо «признавать лишь наличный страх, а не опасение того, что страх появится в будущем» (т. 2). О «злом умысле» как юридической категории римляне писали, что это хитрость (лукавство) одного лица для введения в обман другого (т. 3).

В книге сорок седьмой [9] составители Дигестов, исследовав труды древних юристов, довольно точно описали лингвистическую сущность наименования такого преступления как кража. Ссылаясь на 39-ю книгу Павла «Комментарии к эдикту», они утверждали, что указанное название происходит от слова «тёмный», так как совершается тайно, как правило, ночью и с целью наживы. Это преступление они называли противоречащим естественному праву, понимая под последним то право, которому природа научила всё живое.

Гай в 13-й книге этого же эдикта по способу совершения кражи классифицировал её на два вида: явную и неявную. Явным вором считался тот, кого поймали на месте преступления с похищенной вещью, или когда он пойман

с нею раньше, чем принёс в то место, куда наметил, а также в случае, если он был замечен в момент хищения и при попытке задержания бросил украденную вещь и убежал. Полагаем, что разделение способа совершения кражи на указанные два вида дало четкое основание для формулирования термина «грабёж» и его юридического понятия. Лицо, совершающее явную кражу, признавалось грабителем, а поэтому «тот, благодаря умыслу которого произойдёт грабёж», не нёс ответственности по иску о краже, а лишь по иску об имуществе, захваченном силой.

У римлян групповой считалась кража, если её совершили одновременно несколько, то есть двое и больше лиц. В таком случае каждый из них отвечал за кражу в целом, а не за какую-то часть украденного.

Авторы правовых позиций, анализируя действия лиц на предмет законности, кроме объективных элементов довольно детально оценивали субъективные. Например, Ульпиан в 41-й книге «Комментарии к Сабину» указывал, что если кто-нибудь похитил или спрятал чужую рабыню-блудницу с целью удовлетворения с нею своих «сластолюбивых желаний», то он не должен нести ответственность за кражу, ибо у него не было умысла относительно этого преступления. Также Ульпиан в 37-й книге «Комментариев к эдикту», ссылаясь на Педия, утверждал, «что как никто не совершает кражу без злого умысла, так (никто) не может дать совет (совершить кражу) либо оказать помощь (в краже) без злого умысла». Павел, подтверждая ценность установления умысла в процессе квалификации действий преступника, отмечал, что тот, кто «выломал дверь с целью оскорбления, не отвечает за кражу, хотя бы оттуда другими были украдены вещи. Ибо желание и намерение виновного делают преступления различными» (т. 2).

С нашей точки зрения, к преступлениям против собственности принадлежат также отдельные действия, описанные в п. 2, 8 т. 7 «О воровском образом срубленных деревьев»; в п. 1, 2 т. 8 «Об имуществе, захваченном силой, и о смуте»; в п. 1-3, 5-9, 12 т. 9 «О пожаре, обрушении, кораблекрушении, о взятых приступом плоте и корабле»; в п. 1-3 т. 14 «О похитителях скота»; в

п. 1 т. 17 «О ворах в банях»; в п. 1, 2 т. 18 «О взломщиках и грабителей»; в п. 2, 3 т. 20 «Мошеничество»; в п. 1-3 т. 21 «О перемещении межевого знака». Практически в каждом из этих титулов предусмотрены действия, совершение которых влекло за собой посягательство на общественные отношения в сфере охраны права собственности на имущество, определённое в правовых положениях Дигестов.

Правовой охране в империи подлежало также достоинство человека. Одним из противоправных действий, которым виновные лица посягали на него, было оскорбление. В зависимости от способа нанесения римляне выделяли две группы оскорблений: к первой они относили то, что совершалось действием, ко второй – словом. Субъектами оскорбления могли быть лица, способные нанести оскорбление. Однако к таковым не принадлежал «безумный или несовершеннолетний, который не способен к разуму». Лица, не получившие прощения потерпевшего и признанные виновными в нанесении оскорбления, могли понести следующие наказания. Свободные люди из низшего сословия приговаривались судом к битью палками. Остальные наказывались либо временным изгнанием, либо запретом на какую-либо деятельность. Раб, нанесший оскорбление свободному человеку, приговаривался к бичеванию. За противоправное ношение изображения императора допускалось помещение виновного в тюрьму. За нанесение жестокого оскорбления, под которым подразумевалось «более позорящее и значительное» оскорбление, например, нанесённое в публичном месте, в присутствии претора, во время проведения общественных мероприятий, с нанесением «более глубоких ран» виновные лишались права входить в число декурiones. Те, кто ложно выдвинул иск об оскорблении в экстраординарном порядке, подвергались ссылке, изгнанию или исключению из сословия (т. 10).

Отдельно римляне рассматривали чрезвычайные преступления, считая таковыми посягательства, направленные на расстройство чужих свадеб, циничное оскорбление, склонение несовершеннолетних мальчиков к разврату, подкуп сопровождающего женщину с целью её соращения, умышленное совершение аборта, «взвинчивание»

скупщиками зерна цены на хлеб и иное продовольствие, продажу товаров с использованием фальсифицированных весов, воровство имущества из карманов людей и путём проникновения в их жилища, разрушение плотин на реках, уничтожение тутовых деревьев, на которых выращивали личинок шелкопряда, шарлатанство.

На первый взгляд, такое объединение различных по объекту и предмету посягательства преступлений в одну группу ничем не обосновано. Однако, с нашей точки зрения, сущностью данного объединения было стремление составителей Дигестов облегчить субъектам правоотношений поиск тех норм, которые охраняли наиболее важные для их жизнедеятельности ценности. Наказания, к которым приговаривались лица, виновные в совершении указанных преступлений, достаточно суровые: смертная казнь, ссылка на остров, высылка, каторжные работы, запрещение заниматься торговлей, нанесение ударов палками (т. 11).

Привлекались к уголовной ответственности также лица, которые со злым умыслом *разрушали гробницы*, то есть места захоронения людей. Кроме того, наказывались лица, нападавшие на процессии с целью «ограбления трупа». В таких случаях виновным могли предъявить иск в 200 золотых и приговорить им работы в рудниках. В то же время грабителей, разрушивших гробницу или совершивших ограбление с оружием в руках, наказывали смертью. Однако лица, посягающие на гробницы «врагов» римского государства, не подлежали правовой ответственности, поскольку такие захоронения не являлись для римлян «священными» (т. 12).

В книге *сорок восьмой* [8] римляне уделили особое внимание проблемам *борьбы с насилием над человеком*. Это усматривается из содержания т. 6, в котором указывается приоритет расследования и рассмотрения дел, связанных с насилием, в сравнении с делами, касающимися права собственности на вещи. Римляне, ссылаясь на 14-ю книгу «Институций» Марциана (т. 6, 7 к закону Юлия Августа Октавиана), разделили насилие на две группы – публичное и частное.

К первой группе были отнесены следующие противоправные действия: собиране лицом у себя в доме, на

участке или в усадьбе «всякого рода оружия» (кроме приобретённого с целью охоты, путешествия, плавания, продажи или полученного по наследству); поднятие мятежа, сопряженного с вооруженным захватом усадьбы и разграблением имущества; совершение поджога во время беспорядков, мятежа, сборища, сходки; нахождение на пожаре с оружием с целью ограбления или для создания помех хозяину в спасении своего имущества; появление взрослого вооруженного лица в общественном месте; изгнание вооруженными людьми владельца из своего дома, имени или корабля и их захват; приказ лица, имеющего гражданскую или военную власть, убить, бичевать либо иным способом подвергать пытке римского гражданина; закрытие со злым умыслом человека в помещении или взятие в осаду его дома; похищение женщины, свободнорожденного ребёнка либо их изнасилование; похищение чего-либо во время пожара (кроме строительных материалов); вступление в заговор для совершения беспорядков, мятежа и содержание с этой целью вооруженных рабов или свободных лиц. Совершение указанных преступлений влекло за собой наказания в виде смертной казни, «лишения воды и огня», то есть запрета питья воды или обогреться в доме римского гражданина, что приравнивалось к изгнанию (т. 6).

Частным насилием считались следующие преступления: злоумышленное похищение чего-нибудь из корабля при кораблекрушении; собиранье людей и совершение ими насилия (избиения) либо захват имущества потерпевшего; собиранье кем-нибудь людей без оружия и изгнание кого-либо со своего участка; требование в несудебном порядке того, что правонарушитель полагал подлежащим оплате ему; нечестное присоединение к чужому судебному процессу для того, чтобы получить, а затем разделить часть имущества, присужденного обвинителю. Указанные правонарушения, по сравнению с относящимися к первой группе, влекли за собой менее суровые наказания: конфискацию третьей части имущества виновного, запрещение занимать почётные должности сенатора, декурiona, заседать в курии, быть судьёй, лишение иных почестей как бесчестного лица (т. 7).

В этой же книге римляне предусматривали уголовную ответственность за преступления «против величия», под которыми понимали злоумышленные действия, направленные против римского народа или его безопасности. Как правило, наказанием за такие преступления была смертная казнь (т. 4). Характеризуя Закон Юлия о наказаниях за прелюбодеяние, составители Дигестов обратили внимание, что в этом акте путано и слишком вольно употребляются термины «разврат» и «прелюбодеяние». При этом они разъяснили, что прелюбодеяние совершается в отношении замужней женщины, а разврат – в отношении девственницы, незамужней женщины либо мальчика. Если же прелюбодеяние совершилось вместе с кровосмешением, например, с невесткой, мачехой, то женщина также привлекалась к наказанию, так как кровосмешение имело бы место и без прелюбодеяния (т. 5).

В Дигестах были предусмотрены и иные преступления, за которые устанавливалась уголовная ответственность. К ним принадлежали такие: убийство ближайших родственников (т. 9), подлог, фальшивомонетничество (т. 10), взяточничество (т. 11), растраты, казнокрадство, святотатство (т. 13), похищение людей (т. 15). Более того, в т. 19 был определен порядок действия уголовно-правового закона во времени, в частности, указывалось: «Провинившемуся следует назначать не то наказание, которое допускает его статус в тот момент, когда выносится судебное решение по его делу, а то, которому он подвергся бы, если бы судебное решение было вынесено тогда, когда он совершил правонарушение». Уже во времена Цэзля смертная казнь (в разных её формах) признавалась высшей мерой наказания и предусматривалась возможность освобождения приговорённых к работам на рудниках при условии, что они стали неспособными выполнять работы из-за болезни или возраста (немоцными). Наместник провинции осуществлял освобождение такого осужденного, если у него были родственники, а отбывая часть наказания составляла не менее 10 лет.

В книге сорок девятой [11] составители Дигестов определили понятие специального воинского преступления, под которым подразумевалось

противоправное деяние, совершенное лицом, действующим в качестве воина. Также были определены виды воинского преступления: дезертирство, оставление караула, переход к врагу, потеря или продажа оружия, совершение действий, запрещенных военачальником, или невыполнение его распоряжений, переход в лагерь через стену или вал, которые считались священными, призыв легионеров к восстанию, передача врагу секретной информации, «поднятие руки» на начальника, оставление поста во время несения службы во дворце, оставление центуриона в окружении разбойников, умышленное повреждение жезла центуриона или «поднятие на него руки», нарушение воином установленного мира. За такие преступления, как правило, назначалось наказание в виде смертной казни (т. 16).

Изложенные данные дают основания для следующих **выводов**:

1) источниками Дигестов Юстиниана, в том числе их уголовно-правовых положений, являются обычное право народов римского государства, теологические правовые учения дохристианского, христианского периодов и правоприменительная практика судебных органов, данные которых научно обработаны и сформированы в соответствующие правовые позиции;

2) распространение римских правовых идей на территории проживания иных народов, в том числе русского, осуществлялось по мере развития их государств, а также возникновения между ними международных, теологических и иных социальных связей;

3) уголовно-правовые идеи римского права несут в себе мощный энергоинформационный потенциал интеллектуального характера, который в более поздние времена был заложен в правовые положения русского и прочих государств, формировавших своё уголовное право.

Список использованной литературы:

1. Конституция «Deo Auctore» // Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. Об утверждении Дигестов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/00-constit.html>.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Михаил ЛОШИЦКИЙ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права и процесса
Национальной академии внутренних дел

Summary

The article examines the legal nature of administrative supervision as a way of protecting public order police and the main direction of policing the state. We present the concept, features and scope of administrative supervision in policing the state. Revealed the subject of administrative and police surveillance and police powers in its implementation. Formulate ways to improve administrative oversight of the police. Also preparing sound proposals and conclusions concerning administrative supervision as a mainstream policing state.

Key words: police, state police function, policing, administrative supervision.

Аннотация

В статье рассматривается правовая природа административного надзора как способа охраны общественного порядка органами полиции и главного направления полицейской деятельности государства. Приводится понятие, черты и сфера применения административного надзора в полицейской деятельности государства. Раскрывается предмет административно-полицейского надзора, а также полномочия полиции при его реализации. Формулируются пути повышения административно-надзорной деятельности полиции. Также подготовлены обстоятельные предложения и выводы относительно административного надзора как основного направления полицейской деятельности государства.

Ключевые слова: полиция, государство, полицейская функция, полицейская деятельность, административный надзор.

Постановка проблемы. Общеизвестно, что особый характер полицейской деятельности раскрывается в понятии «охрана», входящем в ее содержание, составляющем основу этой деятельности. «Охрана» означает ограничение, защиту кого-либо или чего-либо от нападений, посягательств, защиту от опасности социального, природного, биологического или техногенного характера. По мнению ученых-криминалистов, «охранять» означает не только защищать охраняемый объект в случае нападения, но и предупреждать возможные нападения, как благодаря факту существования самой охраны, так и благодаря активному отражению посягательств в случае нападения [1]. Важным элементом охраны выступает объект охраны как гибкое понятие, имеющее различные формы и масштабы. К ним могут относиться: дом, граница, общественный порядок, общественная безопасность, экономическая (финансовая) безопасность. Наряду с объектами охраны существуют субъекты, от которых охраняется объект. Такими субъектами

могут быть люди, звери (например, собаки в городах), силы природы, инфекционные заболевания, техногенные угрозы. Именно эти субъекты могут нападать, посягать, угрожать. Поэтому охранять объекты от такого рода посягательств должны также определенные субъекты, т. е. лица, которые обеспечивают охрану объектов от нападений, враждебных действий, посягательств, угроз и т. п. При этом не менее важными являются способы, используемые при охране объектов, составляющие широкий спектр специальных методов полицейской деятельности. К ним относятся: надзорная деятельность за поднадзорными объектами; принятие мер прямого административного принуждения с целью предупреждения и пресечения противоправного деяния; осуществление административной юрисдикции. На три основных метода полицейской деятельности указывают и ученые-административисты [2], независимо от того, кем такая деятельность осуществляется – милицией, службой общественной безопасности, пожарным надзором, санитарно-эпидемиоло-

2. Римская история по Моммсену. – С.-Пб., 1909. – 379 с.

3. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. – М.: Зерцало, 2007. – 408 с.

4. Конституция «Tanta» // Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. Об утверждении Дигестов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/00-constit.html>.

5. Конституция «Omnem» // Дигесты Юстиниана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/00-constit.html>.

6. Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. – Книга первая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/01.html>.

7. Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. – Книга четвертая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/04.html>.

8. Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. – Книга сорок восьмая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/48.html>.

9. Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. – Книга сорок седьмая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/47.html>.

10. Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. – Книга третья. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/03.html>.

11. Дигесты, или Пандекты, Юстиниана. – Книга сорок девятая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.digestaiust.narod.ru/49.html>.